

Зауре Омарова

Истоки

*Книга-эссе о жизни замечательных
людей, внесших свой неоценимый вклад
в развитие Казахстана в XX веке*

Зауре Омарова

Истоки

*Книга-эссе о жизни замечательных
людей, внесших свой неоценимый вклад
в развитие Казахстана в XX веке*

АЛМАТЫ

енке

БАСПАСЫ

2006

ББК 87. 3.

О-57

Издано по программе Комитета информации и архивов
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан

О-57 Омарова З.

ИСТОКИ. – Алматы, “Өлке”, 2006 – 256 стр.

ISBN 9965-742-86-3

В истории Казахстана было много выдающихся женщин, одна из таких ярких женщин Зауре Омарова. Автор в своей книге повествует о радостях и трудностях работы в качестве инженера Карагандинской шахты, депутата Верховного Совета СССР и КазССР, Зампредсовмина и Министра Социального обеспечения Казахской ССР. Много познавательного читатель узнает о жизни гражданского населения довоенного и послевоенного времени. Интересные факты строительства объектов, таких как, Капчагайское водохранилище, Бухтарминская ГЭС, о появлении телецентров, газификации городов.

Данная книга рассказывает об истоках становления нашей республики Казахстан в составе СССР, о замечательных людях, которые внесли свой неоценимый вклад в ее развитие. Молодому поколению поможет по-новому взглянуть на историю родного края.

ББК 87. 3.

О $\frac{0301020000}{00(05)-06}$

ISBN 9965-742-86-3

© Омарова З., 2006

© Издательство “Өлке”, 2006

*Посвящаю светлой памяти дорогих
родителей Копена Жиенбаевой
и Садвакаса Нысанбаева.*

Предисловие

Я не писатель и не журналист, по специальности — горный инженер. Начиная с шахты и далее по шахтным делам проработала десять лет (1948 — 1958). В эти годы избиралась депутатом городского Совета. Затем два созыва (IV-V, 1954 — 1962) Верховного Совета СССР.

Одновременно со своей основной должностной работой много приходилось заниматься выполнением депутатских наказов. В связи с этим часто виделась, встречалась с союзными руководителями, начиная с Хрущева Н.С., Брежнева Л.И., министрами и ответственными руководителями союзного ранга. По каждому отдельному вопросу приходилось персонально обращаться к ним, просить настойчиво и убедительно.

В те годы все, касающееся выполнения наказов избирателей, особенно по выделению ассигнований для строительства тех или иных объектов, удавалось решать только через Москву, через министерства и ведомства союзного значения.

Известно, что все средства Москва направляла только тем территориям, где проходила война. Таким республикам, как наш Казахстан мало, что доставалось из союзного бюджета. Правда, целевым назначением они выделялись для поднятия целины. Это тоже было адресно.

После войны жизнь народа Казахстана была нелегкой, если не тяжелой. Не хватало самого элементарного, начиная с продуктов питания, одежды. Что касается жилья, объектов культуры, образования, просвещения, здравоохранения, телефонной связи и другого, народ хотел все это иметь безотлагательно.

В этой связи роль народных депутатов была большая. Мне приходилось работать напряженно, и результаты были на лицо. За работой я времени не замечала.

Ответственность перед государством, партией требовали от меня честности, добросовестности. Семья, муж, дети — это особая статья, изначально Богом утвержденная.

Писать мемуары я не собиралась, хотя друзья советовали. Но потом подумала все же. Ведь я видела то, что не все могли увидеть и лично познать людей, беседовать с ними, решать для них наболевшие вопросы. Поэтому решила напомнить о прошедшем.

Точка отсчета при написании — это мои родители, родительское начало в моей жизни, взросление. Для себя считаю, что самое доброе, значительное в моей жизни, это папа и мама. Я признательна им и храню благодарную память о них.

При изложении для меня было немало трудностей. Это отличать существенное от второстепенного, но, это второстепенное — тоже черта времени, в котором проходила моя жизнь, события. Кое-что стерлось из памяти, хотя я не очень жалею на нее.

В создании мемуаров мне помог частично сохранившийся личный рабочий архив, записки. Они хранятся в Президентском архиве (АПРК — фонд 36—Н, опись 1).

Из всех трудностей мне удавалось выходить. Спасибо Всевышнему за то, что Он хранил меня и поддерживал!

РОЖДЕНИЕ

Я, Зауре Садвакасовна Омарова, родилась в 1924 году 28 ноября в местности Дюсембай, что расположена в нескольких километрах от рабочего поселка Карсакпай Жездинского района Карагандинской области, в семье крестьянина. В природном отношении в этой местности имеются небольшие горы, пригорки и речушка Дюсембай, по берегам которой растут густые тальники, также имеются здесь неплохие сенокосные угодья, пастбища для скота и земли для богарного хлебосеяния.

По рассказам моих родителей, в тот год необычно долго стояла теплая осень. Люди давно перебрались с жайляу, с летовок ближе к своим зимовьям, но в дома - избы еще не въезжали с целью экономии топлива, заготовленного на зиму – кизяка, кия, кокпека, тобылги и других кустарников. Скот еще вдоволь пасся в степях, без стойлового содержания.

В день моего рождения внезапно пошел первый снег, и роды принимали в юрте, расположенной у избы. Отца дома не было, накануне он срочно с аульчанами куда-то уехал, а все хлопоты, связанные с предстоящими родами, поручил своей снохе Инкар, жене своего старшего брата Абена. Отец оставил на зарез по случаю рождения ребенка, черного упитанного козла, которого сам лично откормил за осень. Думалось, что роженице будет полезно для ее здоровья именно козлиное мясо.

До моего рождения у родителей родились и вскоре в малолетнем возрасте умерли двое детей, это Зейнеп и Абдильда. Конечно, можно их понять, как они хотели и ждали следующего ребенка. Но мое рождение (по рассказам моей мамы) нашей семье принесло массу неприятностей.

Как-то, накануне, пользуясь отсутствием отца, воры увели единственного верблюда – одногорбого Нара. Затем волки разорвали черного иноходца, это был подарок бабушки Бопиш (маминой мамы) своему внуку – первенцу Закрие. Далее в тот год из четырех коров двое остались яловыми и т.д. Главное, проездом кто-то сообщил, что чей-то родственник в ауле сбежал с Акмолинской тюрьмы. Его

настигла милиция, ранили в живот. Несчастный при этом продолжал еще бежать, волоча кишки по снегу, он здесь и скончался.

Итак, внезапно пошел густой снег, настала зима. Все спешно стали перебираться в свои так и непротопленные избы.

Мама, расстроенная этими событиями, решила мое рождение особо не праздновать, не дав даже имени. Дедушка Нысамбай, живший поодаль, узнав от старшего внука Закрии все новости, велел передать снохе (моей маме), чтобы она не расстраивалась, а делала все, что положено при рождении ребенка, праздновала и дала имя. При этом сказал, что завтра приедет и сам. Так и сделал, приехал, был весел, по обычаю имя Зауре прокричал мне в ухо он сам.

В этой местности родились и прожили все мои предки: прадед Конысбай, мой дедушка Нысамбай и его семеро сыновей и дочь тоже родились в Дюсембае, прожили здесь. Позже большинство из них разъехались кто куда. Сыновей Нысамбая звали: имя старшего не помню, затем Абен, Сыздык, Садвакас, Сулеймен, Жакия и Зейнель.

В период коллективизации здесь был организован единственный колхоз им. Ворошилова, который давал стране много сельскохозяйственной продукции: мяса, хлеба, молока и даже бахчевые.

Мой прадед Конысбай владел солидным хозяйством, совершил хадж в Мекку. К сожалению, он оттуда не вернулся, умер. Надо полагать, как каждый мусульманин в то время, он, наверное, был весьма доволен случившимся во время хаджа, то есть болезни и смерти там.

Дедушка Нысамбай, сын Конысбая, со своего аула выезжал только в Ак-Мечеть (Кзыл-Орда) и больше никуда не ездил. Прожил 72 года, умер и похоронен на вершине самого высокого холма в Дюсембае. Могила его есть и сейчас.

Бывая в этих местностях, мы, внуки и внучки обязательно посещаем его могилу. Дедушка, в силу своих возможностей, учил своих детей грамоте, ремеслу своего третьего сына, моего отца Садвакаса, он учил в Ак-Мечети, в медресе.

НАША СЕМЬЯ

После смерти своей матери отец вернулся к себе домой, чтобы помогать семье, младших братьев воспитывать. Дома он учился сапожному, портновскому делу. Для этого дедушка привозил на несколько месяцев из Ак-Мечети мастеров по сапожному, портновскому делу к себе домой в аул. Поскольку мама моего отца скончалась при родах своего младшего сына Зейнеля, моему отцу пришлось выходить Зейнеля с пеленок, еще двух братьев старше Зейнеля воспитывать, учить грамоте и т.д. Он заменил для братьев младше себя чуть ли не мать. Отец мой женился на моей маме Жиенбаевой Копен (ей было 23 года) только в свои 25 лет. Их свадьба все время откладывалась, хотя помолвлены были гораздо раньше, в 13 и 15 лет.

У наших родителей нас выживших детей шестеро из восьми родившихся, я четвертая и после меня два младших брата. Мама наша неграмотная, хотя отец пытался учить ее грамоте, но ей было недосуг. Я хорошо помню уроки ликбеза, которые вел отец для своих близких родственников, снох у себя дома. Отец рассказывал, что в ауле пытался учить своих детей грамоте. Вскоре, в соседнем ауле открылась первая советская школа, куда первых трех детей отвозил на постой к родственникам, хотя у тех самих было много детей. Разумеется, для нормальной жизни и учебы здесь условий не было. Дети были грязными, неухоженными, похудевшими, несмотря на то, что из дому продуктами их обеспечивали достаточно. Мой папа рассказывал, как ему до слез было жалко своих детей.

И с этих пор из-за учебы детей он решил раз и навсегда расстаться с аулом, с хозяйством и переехать в Карсакпай. Действительно, вскоре приехавший один, устроился рабочим и стал работать разгрузчиком руды на рудничном дворе. Первое время жил в общежитии для рабочих, но ему обещали, что семье дадут квартиру в строящемся доме. Поскольку скоро начались занятия в школе, отец перевез семью в общежитие, там дали одну большую комнату на семь человек. А также родители установили свою юрту прямо у окна комнаты общежития.

Юрта служила еще и помещением для домашних вещей. С наступлением холодов стали забивать на зиму пригнанную из аула скотину. Их тушки развешивали кругом внутри юрты. Таким образом, юрта служила складом, хранилищем для продуктов – курта, иримшика, масла в карыне, пшеницы в мешках и других продуктов, заготовленных в ауле летом.

Отец отдал старших детей учиться в школу. Сам работал, стал хорошо зарабатывать, получал премии. Вскоре ему присвоили звание «Ударника коммунистического труда». С должности разгрузчика руды в рудничном дворе его перевели флотатором на обогатительную фабрику, где он и проработал до выхода на инвалидность.

К весне, как обещали при приеме на работу, по окончании строительства шестиквартирного дома, нашей семье дали квартиру. Мы переехали в новую светлую двухкомнатную квартиру по улице Садовая 6, квартира 2. Мы все были крайне счастливы. В этой квартире наша семья прожила долго.

Из шестерых детей пятеро после окончания средней и неполной средней школы уехали учиться в ВУЗах, техникумах в разные города еще до войны и в годы войны. Это Закрия и Зияда, старшие братья, сестра Зина и мы, младшие, я и брат Мухамедия.

Война так и не дала закончить старшим братьям и сестре свои институты. Братья пошли в армию, оттуда на фронт, а Зина вернулась со второго курса университета домой, чтобы помогать родителям учить нас двоих с Мухамедией. Зине пришлось окончить университет и ВПШ (Высшую партийную школу) после войны.

Брат Зияда был талантливым журналистом. Учась еще в Алма-Ате, будучи студентом Казахского института журналистики, часто писал статьи в газете «Лениншіл Жас». Даже с гонораров мог прислать родителям деньги. Зияда погиб при прорыве блокады Ленинграда.

Старший брат Закрия после участия на двух войнах – финской и Великой отечественной, вернулся домой только в 1946 году. Закрия работал на Карсакпайском комбинате главным бухгалтером. После вступления в строй «Большого Жезказгана» его назначили главным

бухгалтером медеплавильного завода Жезказганского горно-обогатительного комбината. Здесь он проработал до 75 лет и вышел на пенсию. Потом трудился в саду и на огороде. В 2003 г. он умер в возрасте 88 лет.

Младший брат Мустафа также работал на медезаводе. В должности мастера электролитного цеха вышел на пенсию, сейчас ему 73 года. Занимается подсобным хозяйством, как говорится, в это «трудное переходное время» он помогает своим детям, внукам. Сестра Зина преподаватель Карагандинского университета, ушла из жизни в 64 года, в 1984 году.

Брат Мухамедия, мастер конгломератного цеха Соколовско-Сарбайского комбината, вышел отсюда на пенсию, переехал в Жезказган, умер в 67 лет. У него пятеро детей, все имеют высшие образования, хорошие специалисты своего дела, это Резеда, Мухаддас, Найля, Нурия и Гуля.

Мой отец Нысамбаев Садвакас работал, как выше сказано, рабочим с 1928 года. Отсутствие охраны труда на Карсакапайских предприятиях приводило к заболеванию рабочих силикозом, что было неудивительно при каждодневном вдыхании медной пыли. Отец также не избежал этой тяжелой болезни, в результате стал инвалидом II группы, и ему пришлось оставить работу на заводе и перейти на более легкий труд.

По началу работал в райбыткомбинате сапожником. Потом сторожем на стройке, а также строил амбары колхозам. Кстати, родители сочли целесообразным лечение при его болезни только кумысом и кымраном. Для этого поменяли единственную корову на дойную верблюдицу, затем – на дойную кобылу. И так из года в год. К тому же хороший уход со стороны нашей мамы.

Хочу особо отметить, что наши родители при всей занятости работой на заводе или домашними хлопотами, находили время заниматься детьми. Нас двоих, меня и младшего брата устроили в детсад при заводе. Здесь мы впервые услышали о революции, о Ленине. Я помню, по вечерам отец нам рассказывал казахские сказки, и мы с упоением его слушали.

Отец возвращаясь с работы, обязательно что-нибудь

нам приносил. Это были то картинки, рисунки, красочные буклеты, о них давал разъяснения. Когда мы начали учиться, то добивался, чтобы красиво писали каждую букву латинского алфавита. Показывал, как правильно держать карандаш, ручку. В младших классах следил за нашей успеваемостью, особенно за арифметикой, а в старших классах — за математикой. Бывало по приходу из школы, в первую очередь спрашивал нас, какую получили оценку на сегодняшний день по арифметике, математике. Все это я поняла позже.

Удивительно то, что в советское время отец не учился ни по-казахски, ни по-русски, а читал, писал и нас учил всему. Самообразованием занимался всю свою жизнь, и будучи достаточно образованным, по старым духовным школам, ему не составило труда после арабского алфавита освоить алфавит сначала по латыни, затем по кириллице.

Однажды у нас дома появился красочный буклет, где рассказывалось о двух мальчиках — Асане и Усене. Асан — сынишка бая, а Усен — бедняка. Мне, ребенку, было по детски жалко работающего, но худого и в лохмотьях Усена, а толстый неумеха Асан вызывал презрение. И впечатление было настолько глубоким, что я решила уточнить у отца кем он сам был, баем или кедеем, богатым или бедным? Отец отвечает, откуда быть баем. Я тогда переспрашиваю — сколько было у тебя скота? Он отвечает, ну было всего тогда около 40 голов, это вместе с телятами, ягнятами, козлятами и говорит, что в то время для казаха это было малое количество скота.

Ответ отца я запомнила на всю жизнь. Забегая вперед, скажу, что в 1947 году, когда меня принимали в институте на четвертом курсе в кандидаты члена партии большевиков, эти «сорок голов» встали передо мной.

На партийном собрании, обсуждая мою кандидатуру, мое соцпроисхождение, профессор Цейтлин (он нам читал «Горное дело») задал вопрос: «Мы же были в Казахстане. Скажите, сколько было у твоих родителей скота?». Я ответила, вспомнив разговор в детстве с отцом: «было 40 голов». Тогда партсобрание загудело, сказав, что в анкете тогда неправильно указано, что соцпроисхождение не из бедняков, а надо — из середняков, нужно исправлять.

Видимо, я растерялась, поскольку сильно волновалась, не нашлась ответить, что в условиях Украины, где в основном земледелие, плюс «40 голов» это уже действительно середняки. Вот таким образом партийное собрание определило мое соцпроисхождение — из бедняков в середняки. Так прошло и при вступлении через год в 1948 году в члены партии большевиков. Вопрос с моим соцпроисхождением стал передо мной и в карагандинском обкоме партии. Об этом рассказ позже будет.

Говоря о своем детстве, о детских годах, я с удовлетворением вспоминаю о родителях, о нашей семье где царила дружба, уют в доме, забота, доброжелательность членов семьи друг к другу, всеобщая занятость. Принято было дома не шуметь, говорить вполголоса. Правда, исключение составляло радио, эта черная тарелка висела высоко на стене, никогда не выключалась, мы к голосу этому привыкли, могли при включенном радио делать уроки.

В 1933 году я пошла в школу № 1 казахско-русскую смешанную, на казахское отделение. Училась с большим интересом, желанием.

По вечерам, когда семья собиралась, отец читал сказки или рассказывал что-нибудь интересное, доступное нам, младшим. По мере взросления читал казахские сказки, предания, вроде «Торт дервиш», «Салсал», «Зифнун» и другие, переведенные с восточных языков на казахский. Многие вещи он знал наизусть, как «Кыз Жибек».

Он занимал нас разными интересными играми, например, выполнением мостика, для гибкости тела, или же изображением орла, сидящего на табуретке, и достающего свою добычу снизу. Для этого нужно было всем телом опереться обеими руками о табуретку, раздвинуть ноги в коленях как бы изображая крылья и, сильно нагнув вниз голову, достать языком с земли монету.

Было еще много других игр. Движением лицевых нервов заставляли двигаться назад-вперед уши, нитками на пальцах делали разные узоры, «Қол-дұзақ» называется. Этим вечером полных затейливых, занимательных игр, мы всегда ждали с нетерпением, но частенько из-за нехватки времени у родителей эти вечера откладывались на «завтра» и мы терпеливо продолжали ждать.

У отца дома к тому времени была приличная библиотека, состоящая из религиозных и художественных книг. Одного Корана было 5-6 экземпляров, разных лет издания, причем разных размеров, начиная с маленького карманного до крупных размеров. В красивом переплете, исключительно красочно оформленная «Шахнаме» Фирдоуси, такая же «Тысяча и од-на ночь», «Кербала шоліндегі урыс» (битва в пустыне Кербала), «Торт дервиш», «Кыз Жибек», «Сияр шериф» и много других произведений Востока.

Кроме книг на казахском были книги, написанные на турецком, даже узбекском, арабском и на языке фарси. Эти книги нам запрещалось трогать без разрешения. Как правило, отец нам читал вслух. Для этого сначала подготовится, перед собой на подушку кладет книгу, наденет свои старые в круглой оправе серебряные очки. Если книга не на казахском, то читает до определенного места и нам перескажет смысловое содержание прочитанного и читает дальше. Одно произведение читали в течение многих вечеров, месяцев, а такие как «Шахнаме», «Тысяча и одна ночь» читались не один год.

К великому сожалению, этих книг мы окончательно лишились в тот период, когда подозрение пало и на нашего отца. Мне помнится как сейчас, отец в тот день ушел на работу, как обычно, а в час дня спешно привез двухколесную тележку, запряженную на маленьком бычке. На тележке стояли два, из-под чая, фанерных ящика, он спустил их на землю и велел нам быстро сложить в них домашние книги, только Кораны, расположенные на стене не трогать, а размером поменьше, их было еще три, тоже положить в ящики.

Мы с братом так и сделали. Отец эти ящики, полные книг, сверху прикрыл марлей, заколотил крышки, и мы поехали за поселок в сторону мусульманского кладбища. По приезду на кладбище, в заранее отцом приготовленные ниши в ямах, спустили ящики с книгами и сверху засыпали землей, что выглядело со стороны как две свежие могилки. И вскоре мы об этом забыли. С отцом обошлось все благополучно, зато книги кто-то забрал. Установить, что и как, не представилось возможности. Время было тревожное.

У наших родителей, как говорится, руки были золотыми. Особенно отцу любое ремесло было под силу; был отменным сапожником, люди стремились шить сапоги, кебіс, мәсі (туфли, ичиги) только у него. С мамой вместе могли шить и верхнюю одежду, камзолы, шапаны, шекпены и вещи европейского кроя — пальто, костюмы, не считая легкие вещи, их шили на машинке «Зингер» (1910 года производства). Эта ножная машинка цела и сейчас, находится у младшего брата по наследству, как память о наших родителях.

На ней можно было шить из тонких и толстых материалов, даже из кожи. Родители могли хорошо обработать кожу крупного скота наравне с кожей мелкого и шить из них разные одежды — полушубки, тулупы, брюки и другое шитье себе и детям.

После работы на заводе, немного отдохнув, отец мог заняться слесарными, столярными делами для дома по мере надобности в них, или же сесть за швейную машинку шить нам, детям или кому-нибудь из родственников, знакомых, если они просили об этом. За работу специально плату не брал, но люди могли приносить что-нибудь из продуктов — просо, пшеницу, зимой — мясо, то есть, у кого что имелось.

Два старших брата и сестра стали рано работать, они перешли с дневного на вечернее отделение школы. Старший брат Закрия потом поехал учиться в Алма-Ату, поступил в кооперативный техникум, брат Зияда в 16 лет, сестра Зина в 14 лет стали работать наборщиками в районной типографии.

В это время стали выпускаться две районные газеты: «За медь» на русском языке с главным редактором Головиным и «Кзыл-Кенші» на казахском, с главным редактором Абдильдой Тажибаевым. Эти две газеты у нас дома постоянно читались нашим отцом. И вслух. Он это делал больше для мамы. У мамы был особый природный ум, волевая натура, была справедливая и честная. Отец был немногословным, спокойным, выдержанным человеком, очень деятельным, по природе могучего телосложения, сильным. Они оба были людьми добрыми. Их любили родственники, соседи. Отца уважали его товарищи по работе, с ним считались.

Родители между собой были дружны, в семейных вопросах равноправными. Я не помню, чтобы они друг на друга повышали голос. Нас детей за шалость сильно не ругали и не били, вообще могли спокойно сделать замечание, нам этого было достаточно.

Семья наша в материальном положении жила довольно скромно. Но никто из нас не жаловался на отсутствие чего-нибудь, вплоть до покупных игрушек. Игрушки делали мы сами под руководством мамы. Сначала, чтобы нас учить, мама сама показывала, как это делается, специально шила одежду для них и т.д. Потом мы сами могли все это проделать. Игрушки наши получались довольно симпатичными, мы заслуживали похвалу, одобрение.

Помню как в голодный год, люди погибали как мухи. Мы с братом могли все это видеть прямо из окна. В отсутствие дома родителей, нам не разрешалось выходить из дому. В один из таких дней, смотря из окна на дорогу, пролегавшую мимо нашего дома, мы увидели как везут человеческие трупы на кладбище, сложенные на сани с конской повозкой. Мы сильно перепугались и об этом рассказали родителям.

Голодные, нищие люди бродили по улицам Карсакпая, часто заходили в дома просить подавание. Они заходили и к нам, за день дверь нашего дома не закрывалась. Подавать этим людям что-нибудь съестное мы не могли, у нас самих не было лишнего. Наша мама могла угостить их горячим чаем с морковной заваркой. Редко удавалось подать им горсточку пшеницы прямо в ладони. Эти несчастные и за это были благодарны. Наш пятилитровый чайник из красной меди не сходил с плиты, кипятилок в нем выпивался за день.

Наши родители от детей требовали, чтобы соблюдали чистоту в квартире и у нас между собой, без их указания, были распределены обязанности. Зина единственно, что делала, стирала всем, гладила, ее чугунный утюг всегда горячий стоял на плите.

Мы с младшим братом ежедневно, чередуясь, убирали, вытирали пыль, мыли полы, поливали цветы, которые я разводила. Свои обязанности мы выполняли, с желанием, соревнуясь между собой, при этом еще и не доверяли

другому: мы контролировали качество уборки друг у друга.

В двухкомнатной квартире нам жилось тесно, особенно, когда мы уже подросли. Комнаты были проходными, в первой комнате стояла родительская деревянная двухспальная кровать, она была большая, занимала одну треть комнаты, здесь же находились печь, которая отапливалась углем, дровами, кизяком и кухонный столик.

А у входа в холодное время года в непогоду находилась какая-нибудь домашняя скотина, то теленок, то ягненок. Там же висел большой никелированный умывальник с медным тазиком внизу.

Во второй комнате у противоположных стен стояли кровати для старших, а мы меньшие спали на полу между двумя кроватями. Здесь же, сидя на полу, на толстой ковровой и кошмовой подстилке, мы могли готовить наши уроки, задания на дом.

Так продолжалось до тех пор, пока родители не накопили деньги для покупки стола и стульев. У переезжавших в другой город соседей отец купил большой раздвижной стол с двумя стульями, за немалые тогда деньги. Это была большая радость, особенно для нас, детей.

Печку в квартире топили байконурским бурым углем, угольные копи которых находились недалеко от Карсакпая.

Этим углем плавил Карсакпайскую черновую медь, тогда известную в СССР наравне со стройкой Днепрогэса, строящегося города Комсомольск-на Амуре. Для доставки байконурского угля в Карсакпай была специально построена узкоколейная железная дорога протяженностью 60 км.

При заготовке топлива на зиму семья покупала, например, одну или две тонны угля. Этого не хватало, и недостающую часть мы собирали, выходя с мешками на железнодорожное полотно. В основном, это происходило во время наших летних школьных каникул. В степи собирали кизяк, кокпек, тобылгу. В местах сбора мы складывали их в кучи, родители вывозили домой.

Вот так семья выходила из житейских трудностей. Зарплата отца была немаленькая, но не всегда удовлетворяла потребности такой большой семьи, как наша.

Карсакпай — поселок городского типа (областного подчинения), здесь имелся клуб, хорошая средняя школа и не одна, школа-интернат, баня, поликлиника, больница, большой красивый сад и др.

В тридцатые годы здесь еще не было нормального водоснабжения, отсутствовал водопровод, воду доставали с колодцев, специально построенных в микрорайонах.

Для своих рабочих комбинат учредил талоны на воду, стоимость которых 2 копейки за ведро и развозили воду в бочках по домам. Вода для нашей семьи обходилась дороговато. Поэтому мы часто ходили за колодезной водой. У колодца собиралась большая очередь, приходилось терпеливо выстаивать, тратить наше дорогое время, но зато приносили по два ведра воды каждый из нас.

Недалеко от завода в ложине были природные водные источники, но довольно далеко от нашего дома. В свободное время мы и туда ходили за водой. Эту воду родители особо ценили за вкус и чистоту, берегли для самоварного чая.

Зимой ходили на озеро за льдом. Это был своеобразный спорт для нас. Могли покататься на коньках, прийдя за льдом. Отец для этого соорудил саночки. Нагрузим их льдом и везем домой. Дома его складывали в сарае, оттуда по мере необходимости расходовали. Самое трудное занятие — это выбивать более крупные куски льда.

Правда, родители нас, детей, в магазин не посылали, даже за хлебом, по карточкам, считая, что в очереди ничего доброго мы не услышим, всегда ходили сами. Все учебные принадлежности, тетради, ручки с перьями, чернила, альбомы, карандаши для рисования и т.д. отец сам покупал и раздавал нам.

Обязательно два раза в год, к майским и октябрьским праздникам квартиру белили известкой. Это проделывали родители сами, мы помогали тоже. После побелки в квартире стоял особенный чистый воздух, запах извести — все это приносило нам праздничное настроение, радость.

К елке, встрече Нового Года придавалось дома большое значение. Мама нам шила национальные костюмы, сама нас наряжала. За лучший национальный костюм на елке, в

школе сестра Зина всегда получала призы. Позже в старших классах и я тоже стала получать призы за костюм.

Особую радость, восторг нам приносила большая красивая школьная елка. Эту елку специально привозили за 60 км с Улытау. Нам дома елку ставить было негде, но зато наша мама бывало, зажигала еловые ветки на плите или железном тазике специально из-за елового запаха, которым наполнялась квартира. Мы, детвора всегда любили и ждали этот запах хвои на Новый Год. Эти дни бывали для нас очень приятными, радостными.

По истории известно, для передовиков производства присваивали звание «Ударник коммунистического труда». Наш отец постоянно заслуживал этого звания, почти ежемесячно и с премией. С появлением «стахановского движения» (1933) это звание заменили словом «Стахановец».

Однажды отец привел домой годовалого теленка с работы. Он удостоился звания «Стахановец». Впервые его премировали теленком. Этого теленка мы выходили и уже коровой она стала давать нам молоко и масло.

Сено для нее заготавливали сами. Для этого свой трудовой отпуск отец приурочивал к нашим летним школьным каникулам. Рабочим разрешалось с колхозных земель косить траву по неудобьям, у яра, у гористых мест, вдоль реки, по ее берегам.

К сенокосу особо дома готовились: со дня отъезда до окончания сенокоса мы домой в Карсакпай не ездим, не возвращаемся, спим в поле на телеге. Поэтому мама нам сушила достаточно сухарей, впрок заквашивала напиток «ашиган коже» в бурдюках, давала курт, вялила немного мяса, достаточно солила сливочное масло и давала необходимый кухонный инвентарь, типа кастрюли, сковородки и т.д.

И так мы проводим на сенокосе дней до десяти, а то и больше. Сено мы заготавливали на землях колхоза им. Ворошилова, эта местность нам знакомая. Там река Дюсембай, в ней много рыбы, в том числе карась и другие рыбы. Отец приготовит для нас две удочки, крючки для них сделает сам.

Он всегда вставал чуть заря и шел сено косить. Мы спали, а проснувшись, бежали каждый со своей удочкой к речке. Рыбы много, ловилась быстро, тут же чистили ее, с тем, чтобы отца скорее накормить завтраком, рыбой нашей. Быстро пожарим, отца встречаем завтраком. Сначала его накормим, и он уходит опять косить, пока жара не наступила, сами завтракаем потом, позже. После завтрака мы шли убирать уже скошенное и высохшее сено, его собирали в копны. И так каждый раз. Прибегали, готовили обед, с того, что дала нам наша мама. Отец нас за все это хвалил, за работу, за обед и т.д.

Наши соседи по дому были, в основном, русские, украинцы. Напротив нас в квартире жила украинская семья, муж и жена с одним ребенком. Муж работал на экскаваторе (единственная механическая лопата на весь комбинат) машинистом, жена домохозяйка, большая рукодельница.

Я любила смотреть как она вышивает всякие вещи: блузки, платье из льна. Позже, когда научилась у нее вышивке, сделала себе тоже блузку из батиста, платье из льна салатного цвета с красивыми вышивками. Кстати, эти две вещи я носила в институте, будучи студенткой. Вышивки были исполнены мережкой, гладью и крестиком. Я не знаю, где эта семья, но в душе вспоминая тетю Дусю, всегда ее благодарю за доброту.

Моя сестра Зина красиво вязала крючком всякие узоры, вещи, салфетки. И это меня увлекало. Я вязала себе кружева и с гордостью сама их носила.

Начиная с пятого класса, нас, учащихся, стали посылать в колхоз им. Ворошилова на уборку хлеба. Хлеб убирали ручным серпом. Нами руководила звеньевая тетя Зейнеп с колхоза, она же показывала нам еще как надо собирать масак, это колосья, которые лежали на стерне или стояли, не захваченные серпом, при уборке. На уборке нас кормили в основном жареной пшеницей и чаем, кипятком. Иногда нас посылали на уборку бахчевых — арбуза, дыни, помидоров. Однако, этой работой мы занимались с удовольствием, были сыты всегда. Наедались овощами, дынями.

ШКОЛА

Начала я учиться в 1933 году в русско-казахской смешанной школе № 1, где учились мои старшие братья и сестра. Школа наша была одноэтажная, но на высоком цокольном этаже, со стороны выглядела как двухэтажная. Школа была красивая, со светлыми просторными классами, с большим залом, со сценой.

О школьных годах могу сказать, что в первый класс привела меня моя мама, одев по-казахски. На голове тюбетейка с перьями. Мой маленький камзол приукрашен серебряными пуговицами, белое платьице, на шее несколько рядов коралловых бус, на плечах сумочка с тетрадями (пастушья сумка за неимением портфеля). В те годы все ходили с тряпичными сумками.

После знакомства с классным руководителем-мугалимом Матваевым Мырзатаем, мама посадила меня за парту. Про себя прошептала напутствие и ушла домой. Сказала, что обратно домой я приду с ребятами из соседнего дома.

Единственно, мне запомнилось, что на перемене, в коридоре школы русские мальчишки дергали то за короткую косичку, то за серебряные нашивы на камзоле, то за перья на тюбетейке. Я заплакала, потом забилась в углу. Учитель мне сказал, чтобы я завтра пришла с подстриженными короткими волосами, без тюбетейки.

Придя домой, я обо всем рассказала. Сказала, что завтра в школу не пойду. Не тут-то было. Мама своими большими ножницами укоротила мои косички. Назавтра опять сама повела в школу.

Постепенно стала привыкать к школьной жизни. В классе кроме меня девочек не было. Была я одна среди мальчишек. Постепенно привыкала к шалостям наших мальчишек в отношении ко мне. В удобном случае я сама стала давать им сдачи.

С шестого класса математику нам преподавал учитель Исаков. Он своим преподаванием увлекал нас. Мы его любили. Он внешне был аккуратным. Держался с нами, учащимися, более чем строго, требовательно. Ходил он

прямо. Из-за прямого стана, который не сгибался, мы называли его «Перпендикуляром». Когда началась Великая Отечественная война, Искакова, в первую очередь, забрали на фронт. Мы очень сожалели и горевали.

Математику нам после преподавал учитель немец Вольф, эвакуированный из Куйбышева. Он был кандидатом наук. Его мы тоже хорошо восприняли.

По географии был учитель Мустафин. Он сумел настроить на свой предмет. По истории был учитель Аужанов. Мы этот предмет не любили. Учитель был белолицый с густыми черными кудрявыми волосами, потешный. В перерыве, проходя позади него, я лично клала в его волосы клубочек бумаги, напоминающий маленькое яйцо. Для него специально ставили высокую чернильницу, наполненную чернилами. Ставили ручку в чернильницу. Когда он брал ручку, все пальцы в чернилах. Замечаний нам не делал.

Также были и другие учителя. Мы своих учителей любили, им подражали, старались на них походить. Еще доброго слова заслуживала Зворыкина. Она преподавала русский язык и грамматику. Я считаю, что лично обязана ей. Она своими знаниями, подходом увлекала нас.

В девятом классе русский язык и литературу преподавал тоже немец из Поволжья, эвакуированный в Карсакпай, по фамилии Фрэйгаг. А казахскую литературу вел Абдрахманов Сираж. Привил любовь к нашей казахской литературе.

К сожалению, многие, участвуя в войне, возможно, не вернулись.

Кстати, в десятом классе русской школы мне особо запомнилась наша «химичка», Галина Александровна. Предмет ее я любила. Директором нашей школы была Филиппович. Она нас, учащихся, любила, постоянно с нами водилась. Все мероприятия в школе проводила сама. Среди коллектива учителей и учеников пользовалась авторитетом. Она заражала своим участием в делах школы всех, была примером.

Будучи два года назад на могиле своих родителей в Карсакпае, я посетила свою казахскую школу. Наша в прошлом красивая школа была в плачевном состоянии,

без окон и дверей. Стоят одни стены. Школа оказалась невостребованной. В поселке жить остались одни старики.

После окончания девятого класса всех мальчишек, их было 12 человек в классе, призвали в армию, и нас осталось в классе две девочки, это я и Зейнегуль. Ясно, что десятого класса теперь не будет. Зейнегуль пошла работать, я пошла продолжать учиться в десятый класс русской школы, окончила которую в 1943 году. Из 12 наших мальчишек девятиклассников, которых призвали в армию, после войны вернулись только трое, из них один ослепший на оба глаза, это был Конысов. Он после работал в Жезказгане в обществе слепых, имеет семью, детей. Ибрагим Есенов после работал в административных органах, вырос до звания полковника,

НАША ГОРДОСТЬ - САТПАЕВ

К окончанию мною десятого класса русской школы дома окончательно решили, что я буду продолжать учебу дальше в институте, инженером-геологом «как Сатпаев К.И.». Так все время говорил отец.

Здесь дело в том, что Сатпаев Каныш Имантаевич с семьей, с детьми прожил 12 лет в Карсакпае, пока не закончил разведку всего рудоносного района Большого Жезказгана. Его знали все жители поселка, тем более, рабочие, в том числе и мой отец.

Сатпаевы жили недалеко от нашей школы. Мы могли видеть, как много детей из его дома ходят в нашу школу. Они учились на русском отделении. И мы потом узнали, что у него кроме своих детей жили и учились и дети его родственников. Сатпаевы занимали половину домика. Кстати, эта квартира Сатпаевых – сейчас музей его имени. В другой половине домика размещался наш маленький аэропорт.

В Карсакпае начал курсировать самолет У-2. Помню, разнесся сначала по поселку слух, что самолет должен прилететь. Мы тогда еще понятия не имели, что это

такое. Тогда впервые и увидели это «чудо». Всей школой ходили смотреть на самолет. Была зима. Снег толстый и мы барахтались по нему, по бездорожью, чтобы всем порадоваться, погордиться, что увидели самолет. Это был 1937 год.

В нашем поселке был большой красивый парк. Парк был посажен энтузиастом-садоводом, специалистом своего дела по фамилии Зуб. Парк к тому времени был уже немолодой, спланирован правильно, тогда говорили, что это по науке. За парком большое озеро, вода в нем в основном мягкая. По берегам озера летом росли всякие красивые цветы, подобные я больше нигде не встречала. Этот парк и озеро — основное место отдыха жителей поселка, особенно летом.

Сатпаевы обычно проходили мимо нашего дома отдыхать в парк на озеро. Нам ребятам это было известно, мы всегда ждали, хотели их видеть, смотрели за ними, иногда бывало, за ними следовали до самого парка. С ними всегда были их две маленькие девочки. Каныш Имантаевич и Таисия Алексеевна, оба были, как нам казалось, очень красивыми людьми. Мы, детвора всегда с любопытством, без всякого стеснения могли за ними наблюдать.

Однажды, придя с работы, отец нам с восторгом сообщил, что Сатпаева наградили орденом Ленина. Мы все этому факту бесконечно были рады. Это событие долго не сходило с наших уст. Тогда все жили интересами огромной страны, которая, в принципе, была всеобщим идолом. Все одновременно переживали вместе с ним за челюскинцев, за большие перелеты больших авиаторов и т.п. И даже мы через этот орден были отмечены, как бы всей страной, как бы историей, делавшейся на наших глазах, как тогда утверждалось, что, впрочем, так и было.

Вскоре этот долгожданный (нами!) орден Сатпаев получил. Это был канун Первомайских праздников. Обычно во главе праздничной демонстрации трудящихся нашего поселка стояли работники ГРП (геолого-разведочной партии) с Каныш Имантаевичем, после них заводоуправление со своими рабочими, школьники и т.д. Мы, пятиклассники, очень захотели увидеть орден Ленина на груди Сатпаева. Колонна стояла, парад еще не начался и мы все вплотную подошли к Сатпаеву, чтобы увидеть

орден на его груди, но некоторые из ребят не могли из-за малого роста дотянуться до него, тогда Каныш-ага сам их приподнимал, взяв за плечи, и мы впервые увидели своими глазами орден Ленина. Мы, конечно, были беспредельно этому рады, потом об этом зрелище долго рассказывали дома и каждому встречному. Это было похоже и не менее значительно, на встречу первого паровоза на Турксибе его строителями и жителями степей. Мечты воплощались на нашей земле.

ОТЪЕЗД, ПОСТУПЛЕНИЕ В ИНСТИТУТ

Моя сестра Зина училась в Алма-Ате на втором курсе КазГУ на математическом факультете. Поскольку мне и брату предстояло учиться, Зина прервала учебу в КазГУ, вернулась домой, стала работать в Карсакапае инструктором в районном комитете партии. Наш отец к этому времени стал инвалидом по заболеванию силикозом. Основным кормильцем стала сестра. Зина однажды уехала в Караганду на какие-то партийные курсы, это было в мае после праздников.

В своем письме из Караганды она написала, что в городе разместились три эвакуированных института, которые были объединены в один – Днеп-ропетровский горный институт, что мне можно будет поступить на геологический факультет.

По приезду домой Зина стала готовить наши документы. Мои в Днепропетровский горный, Мухамедии после 8 класса в Карагандинский горный техникум. Родители стали готовить наши одежды, обувь, старые вещи реставрировались, новые шились, то есть, в основном, переделывались нам из одежды старших, перелицовывались и т.д. Родители выменяли для меня у соседней летнее пальто за пуд муки. Но, поскольку, этой муки не было у нас, они где-то достали пшеницы, смололи ее на домашней ручной мельнице, потратив много драгоценных дней на эту трудную работу.